

говоря об их встрече как об одном из замечательных литературных событий нашего времени. По тогдашним слухам, эти два великих поэта были соперничающими кандидатами на Нобелевскую премию.

Мы обедали в залитой солнцем столовой; обед состоял из семи блюд, и застольная беседа касалась американской и английской литературы, а также античной классики — предметов, в которых Ахматова, Фрост и Алексеев отлично разбирались. Ахматова, Фрост и Алексеев, который был лет на двадцать их моложе, в интеллектуальном плане принадлежали к одному поколению. И Ахматова, и Фрост начали приобретать известность перед первой мировой войной. При всем своем различии их долгие и необычные жизненные поприща привели их к общему итогу: каждый из них стал крупнейшим поэтом у себя в стране, виднейшим представителем национальной литературы. Они сидели за обедом, символизируя собой, как мы полагали, воскрешение того взаимопонимания, которое почти за сто лет до этого существовало между Тургеневым и Генри Джеймсом и которое казалось всем нам, несмотря на отсутствие какой-либо “глубокой” дискуссии, более важным, чем переговоры политиков.

Фрост, однако, чувствовал себя не очень уютно. Возможно, он просто нервничал из-за публичных чтений, которые должны были состояться этим вечером. После того как некоторые русские с большой похвалой отзывались об Ахматовой, я в нескольких фразах дал очень высокую оценку творчеству Фроста. Он раздраженно гаркнул: “Хватит, хватит, прекратите”. Я кивнул и попытался разъяснить свою мысль, но он не стал слушать. “Прекратите”, — повторил он.

Несмотря на настойчивые просьбы, он отказался прочесть стихотворение, тут же уступив это право Ахматовой. Мы прослушали итальянскую запись некоторых ее вещей, а потом